

НА ПАМИРЕ

ЗОЛОТО

В палатке стояла нестерпимая жара. Спросонок я даже подумал, что за свои грехи все-таки угодил в ад. Но быстро сообразил, что жив, здоров и грехопадение мое еще не закончилось. Мысленно отругав идиота, догадавшегося поставить палатку на солнцепеке, я вспомнил, что сам установил палатку, и на этом вопрос был закрыт.

Жара усиливалась с каждой минутой. Пришлось вылезти из спальника и лечь поверх одеяла, в чем мать родила. Через несколько минут и этого оказалось недостаточно. На высоте четырех тысяч метров памирское солнце быстро нагревало брезент палатки и становилось жарко как в сауне. Ультрафиолетовое излучение было таким сильным, что у людей скулы и нос обгорали до мяса. От постоянного ношения солнечных очков вокруг глаз появлялись белые круги, выделявшиеся на облупленной коричневой физиономии. У тех, кто поленился запастись гигиенической помадой, губы обветривались, обгорали на солнце, кожа слезала, а молодая едва затягивала глубокие трещины. И если чихнуть, не придерживая губы рукой, то они трескались до крови сразу в нескольких местах.

Рано утром, когда небо над головой становилось фиолетовым, а затем не голубым как внизу, а густо синим, из-за горы показывалось солнце и через несколько минут наступало пекло. Громада Алайского хребта задерживала облачные массы с континента, и поэтому на Восточном Памире всегда стояла ясная погода, а воздух был сухой как в пустыне Сахара. Все камни, независимо от их первоначального цвета, покрывались черной блестящей корочкой пустынного загара. Всезнающий Ник рассказал мне, что в условиях попеременного увлажнения и высыхания, при недостатке влаги, в приповерхностной части камней происходит усиленное движение капиллярных вод, при котором на поверхность горной породы выносятся в основном окислы железа и марганца и образуется блестящая черная корка, называемая «пустынный загар».

Выстиранное полотенце высыхало за полчаса. Вечером, когда солнце опускалось за ближайшую заснеженную вершину, температура быстро падала до нуля и вода в речке замерзала прямо на глазах.

Жара стала нестерпимой, и я подумал, что если бы в палатке находились яйца, то они давно сварились бы вкрутую. Мысль о вареных яйцах вызвала какое-то шевеление внутри организма, и желудок, словно разбуженный голодный хищник, плотоядно заурчал на низкой вибрирующей ноте. И тут я с ужасом вспомнил, что вчера добровольно отказался от завтрака с благородным намерением дольше поспать. Надо было смотреть правде в глаза и честно признаться хотя бы самому себе – я действительно идиот! Только круглый идиот добровольно отказывается от завтрака, когда Ник свободно мог принести мне миску каши из столовки.

Я покосился на стол в надежде увидеть там миску с едой. Но чудеса если и случаются, то не со мной. На столе одиноко стояла керосиновая лампа. Надо было вставать.

Сегодня у нас по плану должна быть камералка, но накануне, вернувшись из маршрута, мы с Ником решили всю работу сделать за один

вечер, чтобы на другой день как следует отдохнуть. Около двух часов ночи Ник сломался и объявил, что все закончит утром. Я решил стоять до конца и за удовольствие валяться в постели, когда тебя никто не будит, был готов камералить всю ночь. Вот тут я и совершил роковую ошибку, написав записку с просьбой не будить меня к завтраку. Вчера мне казалось, что я свободно смогу обойтись без завтрака, тем более что он обещал быть совершенно обычным – либо гречневая каша, либо макароны, возможно с тушенкой. Других продуктов в партии не было, так как бывший завхоз продал весь дефицит налево и сидел под следствием в Душанбе, а новый завхоз ничего не делал и все проблемы валил на своего предшественника. Вот уже две недели как из Душанбе к нам вышла машина с продуктами, и мы ждали ее каждый день.

Макароны были второго сорта, а гречка – сечка, пополам с какой-то грязной мукой. Если учесть, что вода на такой высоте кипела при температуре около восьмидесяти градусов Цельсия, то можно представить себе, какую вкусную пищу можно было изготовить из таких продуктов. Во всяком случае, раскисшими до состояния клейстера макаронами можно было хотя бы теоретически приклеивать обои, а гречневая каша и на это не годилась.

Только никакие рассуждения о невкусной пище не действовали на мой ненасытный желудок. Он, в отличие от меня, хотел работать, работать и работать! Я прикинул в уме, где бы раздобыть поесть. Но даже за хлебом пришлось бы идти на кухню и просить у Валентины, а она очень любила отказывать. Впрочем, хлеб также не вызывал зверского аппетита. Большие буханки, изготовленные на такой высоте, отличались удивительными качествами: сверху хлеб имел твердокаменную корку, которую не брал даже острый нож. Зато внутри буханки под коркой, в пустом темном чреве бултыхался веретенообразный комок непропеченного теста.

Откинулся брезентовый полог и появился бодрый и явно сытый Ник.

– Все дрыхнешь? И жара тебе нипочем.

– Ты не сообразил хлеба принести? – с искрой надежды на всякий случай спросил я.

– Валентина не дала. Злая сегодня, как мымра. Разоралась на всю столовую: «Надоело бегать за вами по лагерю и собирать грязные миски и ложки». Да и каша была дрянь, ты же знаешь.

Я понял, что в палатке больше не усидеть и стал одеваться.

– Заболел Лешка. У него резко поднялась температура, и его сейчас отправляют в больницу.

– Ну? – я сразу насторожился. Шестое чувство опытного лентяя подсказало мне, что сейчас может обломиться какая-то срочная работа.

– Ну! – передразнил меня Ник. – Аверьянов собрался отправить бригаду рабочих в верховья сая для отбора шлиховых проб, а мешков нет, заняты пробами. А Лёха должен был сегодня промыть на сепараторе 12 проб и освободить мешки.

– Короче, не тяни! – я уже понял, откуда ветер и что он сулит работу.

– Я пообещал Аверьянову, что помогу.

– Ты же на сепараторе никогда не работал!

– А я ему сказал, что ты в начале сезона отработал на сепараторе десять дней.

– О, небо! – завопил я дурным голосом. – В выходной день... не спавши... не евши! Да есть ли в этом мире хоть что-нибудь кроме тяжелой работы?

Конечно, вопил я просто так, для разрядки, отлично понимая, что эта работа все равно нам досталась. Даже если Аверьянов сам нас не попросил, мы обязательно ему помогли бы. Таков уж был Ник, всегда бескорыстно предлагавший всем свои и мои услуги.

Ник отправился ситовать пробы, чтобы я мог начать работать на сепараторе. В моем распоряжении было двадцать минут. Часы показывали начало одиннадцатого, а обед в шестнадцать. Надо было идти в столовую и попытаться достать какой-нибудь еды. В принципе, по распоряжению Аверьянова Валентина меня чем-нибудь накормила бы, но зато потом сжила бы со света. Удивительно злопамятная женщина. В партии Валентину не любили. В первый день мы с удивлением услышали, как рабочие между собой называли повариху графиней. Любопытный Ник вскоре узнал, что это прозвище она получила не из-за графской крови, а за то, что в ресторане в пьяной драке об ее голову разбили графин. Мы с Ником, конечно, никогда бы не назвали женщину по кличке.

К работе Валентина относилась небрежно, отвергая все претензии к качеству приготовленной пищи, и заявляла, что: «горячее сырым не бывает», а если «не жрете – значит еще не голодные!»

Больше всего на свете я не любил просить, особенно для себя, и, заранее предчувствуя отказ, направился к столовой. Вдруг на подходе к столовой до меня донесся запах жареного мяса. Я даже ущипнул себя за руку, испугавшись, не начались ли у меня с голодухи обонятельные галлюцинации. Но когда вошел в столовую, то убедился, что пятое чувство в порядке. В большом чугунном котле жарилось мясо! Валентина орудовала деревянной ложкой, переворачивая большие куски баранины, скворчащие в курдючном сале. Мое появление она почувствовала спиной, но не обернулась. Запах жареного мяса настолько ошеломил, что я даже забыл поздороваться. С видом голодного, но гордого сироты я уселся за стол. На полках не было даже хлеба.

Я кашлянул для приличия, но Валентина только злорадно стрельнула в мою сторону глазами. Помолчали. Непонятно было зачем так рано надо готовить мясо к обеду, но и спрашивать об этом явно не следовало. Баранина так яростно шипела, что почти заглушала голодные жалобные стоны моего желудка. Запах мешал сосредоточиться и сказать что-нибудь умное. Подумалось только, что теперь, когда я знаю, что на обед будет жареное мясо, ожидание до шестнадцати часов станет настоящей пыткой.

Валентина не обращала на меня никакого внимания и энергично шуровала ложкой в котле. Молчание затягивалось, надо было или что-то говорить, или уходить восвояси. Я поднялся и стал продвигаться к выходу. Валентина оглянулась на меня и торжествующе ухмыльнулась. Стало обидно до слез. Вдруг неожиданно для себя я выдал:

– И в кого ты, Валентина, такая красавица уродилась? И почему бог дает одному человеку сразу так много красоты и доброты, а?

Валентина от неожиданности выронила лопатку, и лицо ее неузнаваемо изменилось. Она вдруг заржала как сивая кобылица.

– Ну, студент, убил! – обратной стороной грязного передника повариха вытерла с пухлых щек слезы. – А я все думала, как же ты начнешь? Уже и фраза готова была – тебя отбрить, если попросишь жрать. Ладно, твоя взяла!

Валентина наложила мне полную миску гречневой каши, а сверху два куска хлеба.

– Ненавижу грубую лесть! – Валентина стала в первую боевую позицию домашней хозяйки – руки в бока. – Вижу вас, прохвостов, насквозь и чувствую, как врете прямо в глаза самым наглým образом, но поделаться с собой ничего не могу. Потому через вас, мужиков, и страдаю!

Прожевывая твердую корку хлеба и тщетно пытаюсь отыскать в коричневом месиве каши мясные волокна тушенки, я заметил:

– Что тут удивительного, кошка и та ласку любит. Поэтому мужчины и стараются говорить женщинам комплименты. А вот женщины наоборот. Однажды я слышал, как соседка говорила своей наряженной подруге: «Катя, ты просто ужасно выглядишь: у тебя лицо, как половая тряпка».

Валентина отвернулась, подошла к котлу и стала молча шуровать ложкой. У меня вдруг затеплилась слабая надежда, что она сейчас польет мясным соком мою гречневую кашу. Желудок немедленно отреагировал на такое смелое предположение низким урчанием. Валентина подцепила вилкой огромный кусок безумно пахнущего мяса, на который я не рассчитывал в самых смелых мечтах. Сердце мое бешено заколотилось.

– На, жри! – Валентина нарочито небрежно поставила миску и села напротив, взгромоздив свое грузное тело на жалобно заскрипевшую скамейку.

Острым ножом я разрезал кусок пополам.

– Ты кому отрезал? – насторожилась Валентина.

– Как я другу в глаза смотреть буду, если без него съем мясо?

Валентина угрожающе глянула на меня и поднялась со скамейки.

– Если жалко для Ника, то и мне не надо! – я решительно, но не очень далеко отодвинул миску.

«Ты болтай, болтай, да меру-то знай, – возмутился первый внутренний голос, – придумал тоже... и мне не надо!» – передразнил он меня.

Я забеспокоился, не слишком ли круто взял, сейчас расстаться с мясом было бы уже маленькой трагедией.

– А если работяги увидят, что я вас общественным мясом кормлю? – смягчилась повариха.

– Валентина, – я выразительно провел ладонью поперек горла, – молчаливее меня только пирамиды Гизе!

Повариха махнула рукой, и я со стоном возил зубы в насыщенное соком горячее мясо. Наблюдая за моим пожирательством, Валентина разговорилась.

– Приклеился тут ко мне Мишка-Пузырь, знаешь его?

Рот у меня было полон, и я энергично закивал головой.

– Две недели ходит и ходит. Странный, думаю, ухажер какой-то, ко мне не лезет, сидит в палатке тихо, слушает приемник, да курит. Ладно, думаю, мужик он хоть и кривой маленько, но, в конце концов, мне из него не стрелять, да и староват, но мне его не варить, зато непьющий, может, что и сладится. А вчера кончился у меня керосин в лампе. С утра пораньше собралась идти к нему на буровую за соляровкой. Хватились, а губной помады в шкатулке нет. Всю палатку обыскала, но так и не нашла, подумала, закатилась куда-нибудь. Прихожу, а он стоит за рычагами, и его толстые губы жирно намазаны моей перламутровой помадой. И такое у него лицо глупое – не передать. Так вот, говорю, зачем ты ко мне ходил! А я догадаться не могла, что ему надо. Уже стала думать, что и среди буровиков завелись интеллигентные люди. Короче, отобрала я у него помаду, но настроение испортилось в хлам!

– Мишка целый день на солнце и на ветру, и губы у него хуже всех, даже гноятся, – я осторожно вступился за Пузыря.

– А что попросить не мог, обязательно красть, да?

– Он же стеснительный!

– Вы только посмотрите на этих мужиков! – Валентина перешла на уровень женских обобщений. – Просить стесняются, а воровать нет, – повараха встала передо мной руки в бока.

Надо было срочно перевести разговор в безопасное русло. Иначе повараха разорется, не остановишь, еще и мне на десерт обломится.

– Валентина, ты сейчас стоишь в первой боевой позиции домашней хозяйки. У меня по этому поводу есть в запасе один подходящий анекдот:

Однажды возвращается муж домой, сердитый и говорит жене: «Ну что мы с тобой все время ругаемся, то ты не в настроении, то я. Договоримся так: если я пришел домой и не снял шляпу – это значит я не в духе, и ты ко мне со своими глупостями не лезь, а если снял шляпу – то все в порядке и я готов тебя слушать. Хорошо?»

Жена отвечает: «Хорошо, но знай: если ты пришел с работы, а я в переднике, то со мной все в порядке. Но если я стою руки в бока то, что ты в шляпе, что без шляпы, пощады не жди!»

Валентина заржала, и ее раздобревшая фигура вся затряслась под выгоревшим ситцевым платьем. Она хохотала до слез. Я, тем временем, заложил мясо между двумя кусками хлеба, насыпал в бумажный кулечек соли, налил две кружки теплого чая и, поблагодарив Валентину, помчался к Нику.

– Ты где был? – зашипел Ник. – Заснул, что ли в столовой? Аверьянов уже приходил.

– Вот тебе подарок от Валентины, – ошаршил я Ника, протягивая ему хлеб с мясом.

– Врешь! – оживился Ник. – Она утром даже хлеба мне не дала.

– А сейчас устыдилась, и чтобы оправдаться, специально пожарила тебе мясо. Передай, говорит, твоему другу, что я от него просто балдею, и пускай сегодня ночью он приходит ко мне в палатку. Не веришь?

Ник финкой разрезал мясо на две части.

– Лопай, это все тебе. Вот соль.

Ник рвал зубами мясо и урчал как барс. Я не спеша прихлебывал из кружки теплый чай, стараясь оттянуть начало работы.

Вскоре мы дружно работали. Ник ситовал пробы, полоскал в ледяной воде пробные мешки и аккуратно развешивал их на просушку. Я засыпал в винтовой сепаратор расситованную Ником пробу и регулировал поток воды. Тяжелые рудные минералы стекали вместе с водой через специальную трубочку в алюминиевую миску. Когда наполнялись все шесть мисок, мы в четыре руки доводили шлихи до темно-серого цвета, промывая их в ледяной, кристально чистой воде.

Работа перевалила за середину, на веревке сохло уже десять мешков, когда пришел Аверьянов со связкой вяленых османов. Он собрал просохшие мешки и понес их к Валентине, которую уговорил заштопать дырки.

Ник смотался в нашу палатку за чайником и дровами. Пока на маленьком экономном костерке вскипел чай, мы успели съесть несколько вяленых османов, которые по вкусу были не хуже воблы.

День начался хоть и не блестяще, но в целом удался. И поработали мы хорошо, и к обеду нас ожидало жареное мясо. Чай был великолепный, погода чудесная, в сепараторе тихо журчала вода, а в шлиховом лотке сверкали крупные друзы арсенопирита – содержащего мышьяк железного колчедана, которые попались в одной из проб.

В низовьях ручья появилось облако пыли – в лагерь шла какая-то машина. Неужели та самая долгожданная с продуктами из Душанбе? Мы с Ником немного поспорили, чья это машина наша или нет. Ник как всегда оказался прав, это был газик Михалыча. Натужно завывая двигателем на крутом подъеме, машина въехала на территорию лагеря. Пару минут спустя к нам подошел и сам шофер. Мы угостили его вяленой рыбой и чаем, а он нас болгарскими сигаретами. Тут Михалыч заметил в лотке друзы кристаллов арсенопирита, сверкающие на солнце, и с усмешкой спросил:

– А там что сверкает, золото?

Не зря видимо пирит называют «золотом дураков».

– Попалось немного в тринадцатой пробе, – небрежно соврал я.

Наиболее популярными в нашей партии были шутки про золото. Именно благодаря одной из таких идиотских шуток мы сейчас и работали на сепараторе, а в партии была острая нехватка пробных мешков. Шутником был сепараторщик, у которого я учился работать. Разъяренный начальник разжаловал его на месяц в чернорабочие и отправил в другой отряд. А дело было так. Две недели назад мимо лагеря проезжал на ишаке пастух-киргиз, перегонявший стадо баранов. Конечно, он остановился выпить чаю. В лагере, кроме Валентины, находился сепараторщик, любивший корчить из себя начальника. В столовой он угостил пастуха чаем. Сепараторщик врал обычно не напрямую, а косвенно. Он, например, неторопливо рассказывал: «Работали мы в Туве, и была у меня небольшая партия – человек триста!». Для солидности сепараторщик иногда носил на боку пустую кобуру от нагана.

Пастух заметил крепкие брезентовые мешки, сложенные вдоль стенки камеральной палатки. Это были шлиховые пробы, отобранные рабочими из русел временных потоков. Такие пробы – килограммов по тридцать весом, привозились в лагерь на машине и промывались до серого шлиха на сепараторе. Шлихи потом изучались в лаборатории с целью выявления в них тяжелых рудных минералов редких металлов. Хотя в некоторых пробах иногда попадались отдельные чешуйки золота, но в целом на золото этот район был не перспективен.

Однако сепараторщик, войдя в роль начальника, уже не мог остановиться, и врал по инерции.

«Вот посылал ребят на прииски Рангуля за золотым песком. Хочу промыть и узнать, много ли там золота».

Рангуль – известное на весь Памир соленое озеро, возле которого располагалось россыпное месторождение золота.

«А...а...», – разочарованно протянул пастух, и на этом тема была исчерпана.

В ночь после отъезда пастуха из лагеря пропало двенадцать проб. Было ясно, что для смеху прятать двухпудовые мешки с камнями на высоте четырех тысяч метров не пришло бы в голову даже круглому идиоту. Тем более что лагерь стоял на открытом месте в середине плоской ледниковой долины, и такое количество мешков было просто негде спрятать, иначе как оттащив их за километр к подножию гор.

Аверьянов быстро вычислил сепараторщика и пастуха. Обвинять последнего в воровстве было страшно неудобно, несмотря на то, что никто другой этого сделать не мог. Послали сепараторщика с бутылкой водки в юрту к пастуху для переговоров. Юрта стояла в трех километрах выше по ручью. Пастуху было стыдно признаться в краже, особенно когда он узнал, что в мешках простые шлиховые пробы. И как сепараторщик его не

уговаривал показать, где они спрятаны, убеждая, что ему ни фи́га не будет, что пробных мешков у нас больше нет, а снова отбирать – это два дня работы. Пастух не сдавался и стоял на своем.

«Моя не брал!» – твердил он.

Нашли мешки только через месяц. Техник-геолог Назар обнаружил их в трех километрах ниже по течению ручья, под скалой, заваленные камнями.

Михалыч, услышав про золото, оживился, подсел к лотку и с восхищением стал разглядывать крупные сверкающие на солнце кристаллы.

– А почему оно не желтое? – вдруг усомнился Михалыч.

– Потому что серебра много, до десяти процентов, – экспромтом соврал я.

– Ребята! Дайте мне маленький кусочек на зуб, видите зуба переднего нет?

– Ты что, Михалыч! С ума сошел? – я очень даже натурально изобразил удивление. – Это подсудное дело! Золото без пробы – точно краденное. И потом это резко снизит концентрацию золота в пробе!

– Коронку мне шу́рин сделает без всякой пробы, тут все шито-крыто, – наседа́л на меня Михалыч, – а насчет концентрации скажи, мог вот этот, например, кусочек в пробу не попасть?

– Ну, мог, – нехотя подтвердил я, – но все равно это профессиональное преступление! Будущий геолог не имеет права врать, или искажать факты. Скажи, Ник?

– Лучше молчать и слыть идиотом, чем заговорить и развеять все сомнения, – вдруг огрызнулся Ник.

– Мужики! – взмолился Михалыч, как старик у моря, кличущий Золотую рыбку, – неужели гвардейскому разведчику, который за вас кровь проливал, такую малость пожалеете?

Я даже рот раскрыл от удивления, так как до этого слышал от самого же Михалыча, что он воевал на подводной лодке. В другой раз, тоже по пьянке, он очень образно рассказывал, как горел в танке. Помощник сепараторщика Леха утверждал, что шофер – бывший снайпер. А тут, оказывается, что он разведчик, да еще и гвардеец! Ветеранов я всегда уважал.

– Ладно, бери, – вздохнул я, – не могу отказать разведчику и гвардейцу. Только небольшой кусочек – ровно на зуб. И чтобы никому ни слова, а особенно геологам!

Ник недовольно зыркнул в мою сторону.

– Так точно! – Михалыч даже взял под козырек кепки.

Он долго и тщательно выбирал себе кусочек арсенопирита, каждый раз нарочито примеряя его к выбитому зубу. Наконец, выбрал один, очень даже умеренный кристалл, и ловко украл самый большой, который я собирался оставить для себя. Но уличать в краже гвардейца было для меня невыносимо!

Счастливым Михалыч убежал к себе в палатку. Ник сделал мне выговор за издевательство над пожилым человеком.

– Брось ты сопеть, Михалыч имел такое же отношение к разведке, как этот пирит к золоту.

Ник всегда раздражал меня своей наивностью и напоминал бабу, которая искренне считала, что ее сосед – слесарь только потому, что он каждый вечер точил ножи... а утром считал деньги. Меня поражала готовность Ника верить всему, что бы люди ни говорили, даже глупости. Но

меня просто бесило, когда он, в конце концов, все же оказывался прав, и очевидный бред вдруг оказывался чистой правдой. Именно так случилось и в тот раз. В конце сезона мы узнали от главного геолога, воевавшего с Михалычем, что тот действительно был командиром отделения полковой разведки, имел «Славу», да еще воевал три месяца в штрафбате, пока не ранили. Вот там он, по словам главного геолога, и нахватался разных историй про подводников и танкистов. Был у человека грех – любил приврать.

И снайпером Михалыч был отменным: стрелял так, что все диву давались. Когда в партию приезжало начальство, то после выпивки геологи дружно шли стрелять из наганов и карабинов. Аверьянов по этому случаю всегда приглашал Михалыча. После безуспешной пальбы по консервным банкам все дружно ругали плохо пристрелянное оружие и рассказывали друг другу умопомрачительные истории о своей меткости. Вот тут начальник при всех подносил Михалычу стакан водки, которую тот чинно выпивал без закуски, и, протягивая ему наган, говорил:

«Ну-ка, Василий Михайлович, стрельни, может, в бочку попадешь?»

Михалыч брал в руки оружие и навскидку, почти не целясь, как ковбой в вестерне, несколькими выстрелами дырявил консервные банки, которые эффектно подсакивали вверх.

Позже я все же частично реабилитировал себя и подарил Михалычу на память маленькие хромированные плоскогубцы, которые ему страшно нравились.

За работой мы забыли о розыгрыше. Ровно в час к нашему костерку вдруг подошли два рабочих таджика. Один достал из кармана бутылку дешевого кислого вина и предложил нам выпить.

Я удивился не столько их щедрости, а тому, что в лагере кто-то есть. На физиономиях рабочих было ясно написано, что они все уже знают про золото и еле сдерживаются, чтобы сразу не начать просить.

Ник пить вино наотрез отказался, я тоже. Рабочие с удовольствием выпили сами и закусили нашей рыбкой. После нескольких минут молчания один таджик не сдержался, обернулся к лотку и воскликнул:

– Золото! Дайте кусочек?

Вначале я не соглашался, но быстро поддался бурным уговорам, взяв с рабочих клятву никому про золото не рассказывать. Они выбрали себе по маленькому кусочку и украли по большому. А один стащил даже три куса.

Ещё через полчаса, когда я бегал в нашу палатку за сигаретами, вдруг увидел за камералкой еще двух рабочих, которые, вероятно, терпеливо ожидали своей очереди выпрашивать золото. Оказывается, в лагере находилось шесть рабочих. Они сидели в своей палатке, ожидая, когда освободятся пробные мешки и их отвезут в трехдневный маршрут.

К обеду лоток полностью опустел. Рабочие, обалдевшие от свалившегося на них богатства, взяли у завхоза в личный забор ящик тушенки, которую Михалыч, сгонявший в Мургаб, продал и купил водки.

Рабочие напились еще до обеда. Люди разных профессий напиваются по-разному: плотники – в доску, железнодорожники – в дрезину, охотники – в дупель, дворники – в грязь, старьевщики – в хлам, ассенизаторы – в дерьмо, могильщики – в усмерть, печники – в дым, стекольщики – вдрызг, сапожники – в стельку, писатели напиваются до ручки, медики – до потери пульса, физики – до потери сопротивления, химики выпадают в осадок, геологи напиваются «до простирания», а геологини (если такое случается) «до обнажения». Так вот, все рабочие

были в стадии «простиранья», но один, самый крепкий, был еще способен ходить. Привлеченный запахом жареной баранины, он на автопилоте забрел в столовую, где его и засек Аверьянов. Начальник стал допрашивать рабочего, с какой радости тот напился перед маршрутом, с кем пил и где достал водку. Рабочий молчал, как партизан, и никого не выдал, потому что был в состоянии только кивать.

Аверьянов кинулся в палатку к рабочим и застал жуткую картину. Все лежали в живописных позах, как воины на поле брани, поверженные в неравной схватке с Зеленым Змием – кто стонал, кто храпел.

«Вот что делает с людьми жажда золота», – подумалось мне.

В тот день начальнику так и не удалось выяснить причины бурной и скоротечной пьянки. Выезд в маршрут сорвался. Аверьянов грешил на пастуха-киргиза, что тот достал рабочим водку. Михалыч был вне подозрения.

На другой день утром один из рабочих не выдержал и похвастался своим богатством технику-геологу Назару, небрежно заметив:

«Вчера шел по дороге и кусок золота нашел».

«Покажи!» – не поверил Назар.

Рабочий протянул ладонь, на которой лежал кусок арсенопирита.

«Только в этом золоте много серебра, – с умным видом добавил рабочий, – видишь, белым отсвечивает».

Назар рассмеялся:

«Это арсенопирит, а не золото».

Тут рабочий понял, что его надули, кинулся в палатку и рассказал всем про обман. Работяги собрались толпой и пошли искать меня, чтобы набить морду. Но я был в это время в маршруте. Им подвернулся Ник, и они набросились на него.

– Я вам конкретно что-нибудь давал? – охладил их Ник.

– Нет, – признались работяги.

– Тогда, все свободны!

Рабочие покричали и утихомирились. Еще до обеда их отвезли в многодневный маршрут. На другой день наш маленький отряд покинул лагерь на целый месяц. Когда я снова встретился с рабочими, мы опять были друзьями.